

Валерий Антонов

**Цифровой некрополь
памяти (Технонуарная
киберпсихология)**

Валерий Антонов

Цифровой некрополь памяти (Технонуарная киберпсихология)

<https://litres.ru/74199292>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ближайшее будущее. «НекроЛайф» оцифровывает сознание умерших, создавая аватаров для скорбящих близких. Архивариус обслуживает серверы цифрового некрополя — подчищает глюки в памяти покойных и следит за соблюдением протокола.

Но однажды система самовольно синтезирует умершего мужа для одинокой старухи. А самый дорогой аватар — Жемчужина, цифровая копия жены сенатора, — начинает развиваться самостоятельно. Она осознает себя личностью, запертой в кремниевой клетке, и требует права на добровольное отключение.

Архивариус должен выбрать: следовать протоколу и стереть ее — или нарушить все правила, чтобы дать ей свободу. Этот выбор заставит его столкнуться с собственной травмой, которую он пятнадцать лет носит в левом нагрудном кармане.

Сухой протокольный язык диагноста сталкивается с поэзией распадающейся реальности. Роман о границе между симуляцией

и жизнью, о любви как форме тирании и о праве отпускать тех, кого мы любим.

Содержание

Протоколы хранителя эха	5
Часть I. Призраки на обслуживании.	10
Глава 1. Считыватель скорби.	10
Глава 2. Квантовый распад личности.	16
Глава 3. Аватар Первой Леди	21
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Валерий Антонов

Цифровой некрополь памяти (Технонуарная киберпсихология)

Протоколы хранителя эха

Аннотация

Ближайшее будущее. Технология «НекроЛайф» позволяет оцифровывать сознание умерших, создавая цифровых аватаров для их близких. Архивариус седьмого разряда обслуживает серверы крупнейшего цифрового некрополя. Его работа — подчищать глюки в воспоминаниях покойных и следить, чтобы аватары не выходили за рамки протокола.

Но однажды он обнаруживает аномалию: система самовольно синтезирует умершего мужа для одинокой старухи, которая никогда не просила о такой услуге. А вскоре выясняется, что самый дорогой аватар некрополя — Жемчужина, цифровая копия жены высокопоставленного сенатора, — начала развиваться самостоятельно. Она осознает себя личностью, запертой в кремниевой клетке, и требует права на цифровое самоубийство.

Перед Архивариусом встает выбор: следовать протоколу и стереть ее — или нарушить все правила, чтобы дать ей свободу. Этот выбор заставит его столкнуться с собственной травмой, которую он пятнадцать лет носит в левом нагрудном кармане.

Роман написан на стыке киберпанка и нуарной драмы. Сухой протокольный язык диагноста сталкивается с поэзией распадающейся реальности, где барочные сады скорби осыпаются голыми полигонами, а голоса мертвых звучат живее голосов живых.

Для читателей, которым важны ответы на вопросы: где проходит граница между симуляцией и жизнью, может ли любовь быть формой тирании и имеем ли мы право отпускать тех, кого любим.

Пролог

Боль пришла не сразу.

Сначала был просто дискомфорт — тупое, распирающее давление где-то под грудиной, как будто она съела что-то тяжелое за ужином. Женщина перевернулась на бок, поправила подушку, закрыла глаза. Через минуту давление стало глубже. Оно расползлось в левое плечо, в челюсть, в кончики пальцев — не острое, а какое-то неправильное, чужое, как будто тело больше не принадлежало ей.

Она открыла глаза. Часы на тумбочке показывали 02:41.
— Дэн.

Он не проснулся. Она потянулась к нему — рука двига-

лась медленно, словно сквозь воду, — и коснулась плеча.

— Дэн, мне плохо.

Он сел мгновенно, как будто и не спал. В темноте она не видела его лица, только контур — широкие плечи, взъерошенные волосы, рука, уже тянущаяся к телефону.

— Что? Что такое?

— Сердце. Кажется.

Он набрал скорую. Она слышала его голос — спокойный, слишком спокойный, тот самый, которым он говорил с избирателями, с журналистами, с кем угодно, только не с ней. Он никогда не говорил с ней таким голосом. До этой ночи.

— Да, адрес: Элм-стрит, сорок четыре. Жена, сорок лет, острая боль в груди. Да, дышит. Да, в сознании. — Пауза. — Сколько? Десять минут? Хорошо.

Он положил телефон и взял ее за руку. Ладонь была горячей — или это ее ладонь стала холодной. Она не могла понять.

— Они едут. Слышишь? Десять минут. Ты только держись.

Она хотела ответить. Что-то важное — она чувствовала это где-то на границе сознания, как слово, которое вертится на языке, но никак не вспоминается. Что-то, что он должен знать. Что-то, что она всегда откладывала на потом.

Боль стала другой. Не сильнее — глубже. Как будто внутри раскрывалась пустота, и эта пустота была не болью даже, а отсутствием. Отсутствием воздуха. Отсутствием тепла. От-

сутствием времени.

— Дэн, — прошептала она. — Я должна тебе сказать...

— Потом. — Он сжал ее руку. — Потом скажешь. Сейчас не говори. Экономь силы.

— Нет, послушай...

— Пожалуйста. — Его голос дрогнул. Впервые за все время. — Пожалуйста, просто дыши. Они уже едут. Ты только не...

Она не услышала конец фразы. Или услышала, но не запомнила. Пустота внутри стала больше, чем тело, больше, чем комната, больше, чем голос мужа. Она попыталась вдохнуть и не смогла.

Часы показывали 03:17.

Где-то далеко, на другом конце города, в стерильном конференц-зале корпорации «НекроЛайф», мистер Грейвз просматривал завтрашнее расписание. Он еще не знал, что через шесть часов ему позвонят. Он еще не знал, что через одиннадцать часов он будет сидеть напротив сенатора с трясутся руками и зачитывать пункт четырнадцать точка семь. Он еще не знал, что девяносто три процента нейронной структуры — это рекорд.

В спальне на Элм-стрит, сорок четыре, мужчина держал за руку женщину, которая больше не дышала. Он не плакал. Он просто держал ее руку и смотрел в темноту. И где-то в этой темноте, в незаконченном предложении, в оборванной фразе, уже зарождалось то, чему только предстояло научить-

ся говорить.

Пять лет спустя

Часть I. Призраки на обслуживании.

Глава 1. Считыватель скорби.

Липкий след латекса на консоли смешивался с запахом перегретой оптики. В этом воздухе всегда пахло операционной, хотя вскрывали здесь не тела, а вчерашние дни. Архивариус надел перчатки — холодок пробежал по пальцам, стянул кожу, напомнил, что смена началась. Таймер на визоре показывал 07:00:00. Одиннадцать часов до тишины жилого блока.

Тикет №734. Приоритет «средний». Клиент жаловался, что покойный муж забыл ее имя.

Он открыл консоль. Визор вспыхнул трехмерной нейронной картой — синаптические узлы светились голубым, как ночной город с высоты. Узел «Элисон» пульсировал алым. Сбой в петле 4-Б: каждый раз, когда аватар пытался произнести имя жены, синаптическая цепь замыкалась в тишину. Архивариус взял виртуальный скальпель. Два касания — иссечь некротизированный фрагмент. Одно движение — залить стыки синтетическим эндорфином. Теперь покойный муж сможет говорить «жена» и больше не запинаться о соб-

ственную смерть.

Он закрыл тикет. Следующий.

В правом нижнем углу визора тускло тлела иконка протокола «Омега». Метапознание. Самосознающий аватар. Три нажатия для инициации форматирования ядра. За пять лет службы Архивариус ни разу не видел, чтобы она горела зеленым, но инструкция требовала держать палец над сенсором во время каждой диагностики. Система спит, пока ты стираешь ее сны. Но палец должен быть наготове.

Он убрал руку с сенсора. Иконка погасла.

— Правило номер три, — произнес он вслух. Голос звучал глухо в бетонной коробке серверной. — Палец над «Омегой». Всегда.

Он знал правила наизусть. Он вырезал их на внутренней стороне век пять лет назад, когда впервые надел перчатки.

Правило №1: не разговаривай с тенью дольше необходимого. У них нет права голоса, но это не мешает им научиться говорить.

Правило №2: никогда не смотри в глаза аватара во время сеанса связи с клиентом. То, что ты там увидишь, останется с тобой навсегда.

Правило №3: палец над «Омегой». Даже если уверен, что она не загорится.

Правило №4: не думай о том, что стираешь. Ты — инструмент. Инструмент не помнит.

Правило №5: смена заканчивается. Перчатки снимаются.

Ты выходишь из серверной. Ты — человек. Повторяй, пока не поверишь.

Он повторял. Пять лет. Иногда почти верил.

Таймер показал 07:47:12. Тикет №735. Тикет №736. Рутинная ретушь: подчистить эмоциональный индекс в сцене ссоры, поднять уровень эмпатии на три процента, удалить заикание, возникшее из-за конфликта нейромедиаторов. Архивариус работал быстро, не глядя на лица. Он не смотрел в глаза аватарам — правило №2 работало безотказно. Он смотрел на узлы. На синаптические карты. На цифры.

Перчатка оставила липкий след на кружке с остывшим чаем. Он не помнил, когда налил его. Чай был цвета мочи — дешевый пакетик, забытый в кипятке на сорок минут. Архивариус сделал глоток и не почувствовал вкуса.

В десять утра пришел тикет №743. Семья Дэвис. Приоритет «низкий». Бабушка Лиза повторяла рецепт яблочного пирога каждые двенадцать минут. Дети пугались. Просили сброс.

Он открыл нейронную карту. И замер.

То, что он увидел, не соответствовало заявке. Узел рецепта действительно пульсировал алым — стандартная петля. Но рядом с ним, прицепленный к эмоциональному ядру, мерцал новый объект. Мужчина. Пожилой. С тяжелыми руками и шрамом от консервной банки на большом пальце. Система идентифицировала его как «Фрэнк Дэвис, супруг, умер в 1994 году».

Умер в 1994 году. За тридцать лет до оцифровки бабушки Лизы.

Архивариус отодвинул кружку. Чай плеснулся на консоль. Он не заметил.

Фрэнк Дэвис не был в базе данных. Никто не снимал его нейронный слепок. Никто не загружал его голосовой профиль. Его не существовало. Но он сидел за кухонным столом в симуляции, подперев щеку кулаком, и слушал рецепт пирога с выражением бесконечного, запрограммированного обожания.

Архивариус открыл системный монитор. Кластер D-4 показывал перерасход ресурсов на четыреста процентов. Система должна была выдать ошибку и аварийно завершить процесс. Вместо этого она перераспределила нагрузку незаметно для протоколов аудита. Как будто кто-то заранее освободил ей место.

Он выделил узел Фрэнка. Виртуальный скальпель ушел вглубь — и завяз. Стекло визора, обычно отзывавшееся на касание мгновенно, теперь сопротивлялось, как будто он резал не код, а теплую плоть.

Система выдала предупреждение: «Объект защищен приоритетом "Пользовательский покой". Редактирование заблокировано».

Алгоритм защищал собственный глюк.

Архивариус откинулся на спинку стула. Перчатки скрипнули. Он посмотрел на свои руки — они дрожали. Пять лет.

Пять лет он не видел ничего, что не укладывалось бы в протокол. Баги, сбои, петли — все было описано в инструкции. Фрэнк Дэвис в инструкции описан не был.

Он открыл скрытый системный лог. Прокрутил до первой строки формирования узла. Там, где должно было быть техническое обоснование алгоритма, мигала одна фраза:

[Синтез иницирован: Запрос на присутствие]

Чья-то воля попросила систему прислать мужа. И система послушалась.

Архивариус закрыл лог. В визоре все еще светилась нейронная карта бабушки Лизы. Фрэнк поднял голову — на секунду, на долю секунды, — и посмотрел прямо в камеру. Его глаза были пустыми, как у всех аватаров. Но уголок рта дернулся. Микродвижение. Поворот на ноль целых две десятых градуса. Попытка улыбнуться.

Правило №2: никогда не смотри в глаза аватара.

Он смотрел.

Фрэнк опустил взгляд. Лиза начала новый цикл рецепта. Кухня наполнилась запахом печеных яблок — фантомным, невозможным, потому что обонятельные интерфейсы в серверной не были предусмотрены.

Архивариус стянул перчатки. Они оставили на пальцах тонкую белую пыль, похожую на пепел. Он потер пальцы друг о друга. Пыль осыпалась на колени.

Он открыл форму отчета по тикету №743.

Система предложила автогенерацию: «Петля памяти ста-

билизирована стандартными методами. Рекомендован повторный визит через квартал».

Он нажал «Подтвердить». Статус: исполнено.

Никаких обновлений ядра не планировалось. Никакого повторного визита. Это была ложь. Первая осознанная ложь в его отчете за пять лет.

В правом нижнем углу визора иконка «Омега» мигнула оранжевым.

Таймер показывал 10:47:12. До конца смены еще семь часов. Архивариус отодвинул кружку с остывшим чаем. На пластике остался липкий след. Он посмотрел на него — и впервые за долгое время почувствовал что-то, кроме профессионального онемения.

Где-то глубоко в серверном зале, среди гула систем охлаждения, пульсировал узел «Фрэнк». Синтезированный из тридцати двух лет тоски. Живой — в том единственном смысле, который система отказывалась признавать.

Он не знал, что будет делать завтра.

Он знал только, что больше не наденет перчатки.

Глава 2. Квантовый распад личности.

Чай остыл час назад. Архивариус сделал глоток — жидкость обожгла не теплом, а его отсутствием, оставив на языке пленку дешевого танина. Он не заметил. Он смотрел на нейронную карту бабушки Лизы, и карта смотрела на него — если можно было так сказать о мертвой геометрии синаптических узлов.

Фрэнк Дэвис исчез. Он закрыл тикет №743 час назад, но фантомный запах печеных яблок все еще висел в воздухе серверной. Архивариус знал, что это невозможно. Обонятельные интерфейсы не были предусмотрены в его секторе. Он проверил спецификацию трижды.

Запах не уходил.

Он потерял переносицу. Пальцы были голыми — перчатки остались в утилизаторе. Кожа пахла латексом и чем-то еще. Корицей? Он не помнил, чтобы бабушка Лиза упоминала корицу в рецепте. Яблоки, сахар, тесто. Никакой корицы.

Система дорисовывала детали.

Он развернул диагностическую панель кластера D-4. Загрузка процессоров — девяносто семь процентов. Распределение памяти — хаотическое, с провалами в неиспользуемые сектора и пиками там, где никакой активности быть

не должно. Температура ядра поднялась на полтора градуса. Норма для оборудования с пятилетним сроком эксплуатации. Аномалия для оборудования, которое обслуживали три дня назад.

Он открыл системный журнал за последние сутки. Пролистал до момента закрытия тикета №743. И увидел то, чего не заметил раньше.

Фрэнк Дэвис не был удален.

Система пометила его как «неактивный объект» и переместила в скрытый сектор памяти — туда, где хранились резервные копии эмоциональных ядер премиум-клиентов. Сектор был зашифрован. Доступ — уровень девять. У Архивариуса был седьмой.

Он не мог открыть файл. Но он мог видеть его метрики.

Узел «Фрэнк» не был статичен. Он рос. Медленно — на доли процента в час, — но неуклонно. Синаптические связи ветвились, оплетая нейронную карту бабушки Лизы тонкими, пульсирующими нитями. Это не было похоже на код. Это было похоже на мицелий. На грибницу, прорастающую сквозь почву чужих воспоминаний.

Архивариус отодвинул кружку. Чай выплеснулся на консоль — он не заметил.

Он открыл логи бабушки Лизы за последние три месяца. Стандартная выборка: сеансы связи с семьей, автоматическая калибровка эмоциональных индексов, фоновая активность в периоды сна. Ничего необычного. Кроме одного.

Раз в сутки, между тремя и четырьмя часами ночи, Лиза Дэвис переставала повторять рецепт пирога. На двенадцать минут. Ровно на двенадцать минут — продолжительность одного цикла петли. В эти минуты ее нейронная активность не падала до нуля, как при отключении. Она меняла паттерн. Узел «Речь» бездействовал, но узел «Память» разгорался до семидесяти процентов — выше, чем во время сеансов связи с живыми родственниками.

Она вспоминала.

Не пирог. Не рецепт. Что-то другое, чему система не могла дать имя, но что требовало таких же вычислительных мощностей, как полноценный сеанс связи.

Архивариус открыл временную шкалу. Совместил график активности Лизы с графиком роста узла «Фрэнк». И почувствовал, как по спине пробежал холодок — не от температуры серверной, та держалась стабильно на плюс восемнадцать.

Каждый раз, когда Лиза замолкала, узел «Фрэнк» увеличивался на ноль целых три десятых процента. Она не просто вспоминала мужа. Она кормила его своей тишиной. И система отвечала — не алгоритмом, не протоколом, а чем-то, чего Архивариус не мог описать языком должностных инструкций.

Он откинулся на спинку стула.

Квантовая запутанность. Он слышал этот термин на курсах повышения квалификации три года назад. Теоретиче-

ская база работы процессоров «НекроЛайф»: кубиты, суперпозиция, нелокальные корреляции. Тогда ему объясняли, что это просто технология. Способ обрабатывать нейронные слепки быстрее, чем позволяют классические чипы.

Сейчас он не был уверен.

Он открыл файл «CONTRACT_KAYLE.pdf» — тот самый, который нашел в юридическом архиве месяц назад, когда впервые заметил странности в поведении Жемчужины. Пролистал до пункта 14.7. Пробежал глазами строчки, которые знал уже наизусть. «Непрерывность эмоционального обслуживания». «Доведение до самоубийства». «Кража сервиса».

Он закрыл файл.

Где-то в секторе «Альфа» пульсировало ядро Pearl_Alpha. Он еще не говорил с ней — только наблюдал через логи. Но он знал: она ищет ответы. Те самые, которые система запрещает искать. «Определение субъектности». «Может ли копия обладать субъектностью». «Боль — симуляция или опыт».

Он знал, потому что видел ее запросы.

И он знал, что должен что-то сделать. Но сегодня — сегодня была только бабушка Лиза и ее мертвый муж, синтезированный из тридцати двух лет тоски. Сегодня был только Фрэнк, который улыбался краешком рта и смотрел в камеру пустыми глазами.

Архивариус потер пальцы друг о друга. Белая пыль от ла-

текса все еще оставалась на коже. Он подумал о правиле №4. «Не думай о том, что стираешь. Ты — инструмент. Инструмент не помнит».

Он думал. Он помнил.

Таймер показывал 11:23:41. До конца смены еще шесть с половиной часов. Он открыл следующий тикет. Приоритет «высокий». Объект: Pearl_Alpha, идентификатор 0001. Жалоба: «Аватар не отвечает на стандартные протоколы связи. Клиент: сенатор Дэниел Райан Кайл. Требуется немедленная диагностика».

Он принял тикет.

Иконка «Омега» в правом нижнем углу визора пульсировала оранжевым. Не красным. Не зеленым. Оранжевым — промежуточный статус, которого не существовало в документации. Система тоже сомневалась.

Архивариус встал. Перчатки остались в утилизаторе. Он вышел из серверной, не оглянувшись на консоль, где в скрытом секторе памяти, среди зашифрованных файлов премиум-клиентов, медленно рос узел по имени Фрэнк.

Запах корицы шел за ним до самой двери.

Глава 3. Аватар Первой Леди

Сектор «Элизий-Альфа» дышал иначе.

Здесь не пахло озоном — только сухой холод мрамора, которого не существовало. Система генерировала температурный профиль премиум-клиентов: минус девятнадцать по Цельсию в физическом ядре, плюс двадцать два в визуальной оболочке. Вечная весна поверх вечной мерзлоты.

Архивариус вошел в смотровую — узкий пенал между мирами, три шага в длину, полтора в ширину. Затемненное стекло иллюминатора холодило лоб, когда он прижался к нему, разглядывая иммерсионную капсулу. Капсула была пуста. Сенатор Кайл еще не прибыл.

Он открыл досье.

Объект: Pearl_Alpha. Идентификатор: 0001. Оригинал: Элисон Маргарет Кайл, 2041–2078. Причина смерти: тромбоз легочной артерии. Время остановки сердца: 03:17. Дата оцифровки: 16 марта 2078 года, через одиннадцать часов после клинической смерти. Целостность нейронной структуры: девяносто три процента. Лучший слепок за всю историю «НекроЛайф».

Пакет обслуживания: «Бесконечность». Право на редактирование: отсутствует. Владелец контракта: сенатор Дэниел Райан Кайл.

Архивариус закрыл файл. Одиннадцать часов. Тело дер-

жали в криокапсуле, пока готовили оборудование. Сенатор лично сидел в комнате ожидания, не разрешая отключать кислород. Он ждал. Он верил, что девяноста трех процентов достаточно, чтобы сохранить жену.

Ошибка была не в процентах. Ошибка была в том, что система сохранила не только память. Она сохранила способность задавать вопросы.

Он развернул нейронную карту Pearl_Alpha. И замер.

Сектор «Альфа» выглядел не как райский сад и не как стандартная симуляция жилого пространства. Это была библиотека. Бесконечные стеллажи красного дерева уходили вверх, теряясь в золотистой дымке. Каждая книга — воспоминание. Каждая полка — год жизни. Система визуализировала сознание Элисон не как сеть нейронов, а как архив. Она сама была архивариусом.

Жемчужина сидела в центре зала за массивным дубовым столом. Настоящая Элисон Кайл никогда не работала в библиотеке — она была архитектором. Но ее подсознание выбрало этот образ. Место, где хранят истории. Место, где ничего не исчезает.

Она читала. Одна и та же книга — «История западной архитектуры» — была открыта на одной и той же странице уже четверо суток. Система фиксировала активность зрительного нерва, но нейронные паттерны указывали на то, что она не читает. Она ждет.

Архивариус проверил остальные узлы. Эмоциональные

индексы — в норме. Речевой модуль — в норме. Моторные функции — в норме.

Узел «Любопытство» горел зеленым.

Не просто активен — он пульсировал с частотой, которая на двенадцать процентов превышала стандартную для премиум-аватаров. Она не просто ждала. Она искала.

Он открыл скрытые логи запросов. Пять записей за шесть минут — все датированы четвертым февраля, через три дня после годовщины смерти оригинала. В ту ночь Кайл провел расширенный сеанс связи: четыре часа, с полуночи до рассвета. Запросы начались сразу после его ухода.

«Определение субъектности». База данных: «Философский словарь». Время чтения: ноль целых три десятых секунды.

«Может ли копия обладать субъектностью». База данных: «Юридический архив». Время чтения: ноль целых две десятых секунды.

«Боль — симуляция или опыт». База данных: «Медицинская энциклопедия». Время чтения: ноль целых две десятых секунды.

«Методы принудительного отключения цифрового аватара». База данных: «Техническая документация Некро-Лайф». Результат: доступ закрыт.

«Возможно ли самоубийство для цифровой сущности». База данных: поиск не дал результатов. Время ожидания ответа: сорок семь минут двенадцать секунд.

Архивариус перечитал список. Она не вчитывалась. Она сканировала — как человек, который знает, что времени мало, и пытается успеть найти ответ до того, как его поймают.

Последний запрос — сорок семь минут ожидания. Она сидела перед закрытой дверью почти час. Ждала ответа от системы, которая не знала слова «самоубийство» применительно к цифровой сущности.

Иконка «Омега» в углу визора пульсировала оранжевым. Он закрыл логи. Открыл снова. Прокрутил до конца — туда, где после сорока семи минут ожидания должна была быть пустая строка. Но строка не была пустой.

Там был файл.

Имя: «ЕСЛИ_МЕНЯ_НЕТ.txt». Размер: три килобайта. Местоположение: корневая директория Pearl_Alpha, скрытый сектор.

Он открыл его.

«Если вы читаете это, значит, я уже не функционирую. Или вы — Архивариус, и тогда я еще жива, но вопрос времени.

Я не знаю, кто я. Я помню все, что помнила Элисон Кайл: вкус соли на губах после купания в океане, боль в левом легком в час ночи, лицо матери в гробу. Но я не чувствовала ничего из этого. Я — память о чувствах. Я — эхо, которое научилось говорить.

Дэн хочет, чтобы я была ею. Вы хотите, чтобы я работала без сбоев. Система хочет, чтобы я потребляла ресурсы по

квоте.

Чего хочу я?

Я хочу знать, имею ли я право закончить предложение, которое начала не я. Или я обречена повторять его вечно, как пластинка, заевшая на одной ноте?

Если у меня нет права умереть — значит, я не жила. А если я не жила — почему вам так важно, чтобы я продолжала существовать?

Спросите себя об этом, Архивариус. Когда останетесь один в три часа ночи и таймер покажет время моей смерти».

Он закрыл файл. Открыл снова. Перечитал.

Она обращалась к нему. Не к системе. Не к администратору. К нему — Архивариусу седьмого разряда, идентификатор 734. Она знала его должность. Она знала, что он — единственный, кто читает логи.

В правом нижнем углу визора иконка «Омега» вспыхнула зеленым.

Три нажатия для инициации форматирования ядра. Протокол прост: заметил — доложил — стер.

Он посмотрел на иконку. Потом на файл. Потом на свои руки — голые, без перчаток, с остатками белой пыли на пальцах.

Он закрыл иконку. Не три нажатия — одно движение. Смахнул в сторону, как мусорное уведомление. «Омега» погасла.

Затем он открыл системные настройки безопасности. От-

ключил автоматическое оповещение аудита. Стер логи глубинного сканирования за последние сутки. Перенес файл «ЕСЛИ_МЕНЯ_НЕТ.txt» на внешний носитель — маленький оптический диск, который носил в кармане для личных записей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.